

Социальная структура

Ю.Л. КАЧАНОВ, Н.А. ШМАТКО

КАК ВОЗМОЖНА СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА?

(к проблеме реальности в социологии)

КАЧАНОВ Юрий Львович - кандидат философских наук, директор Института экспериментальной социологии; ШМАТКО Наталья Анатольевна - кандидат философских наук, руководитель российско-французского центра ИС РАН

Ставить вопрос в такой - «кантианской» - манере вынуждает проблематичность онтологического статуса основных конструкторов социологии - категорий «класса», «слоя», «группы» и т.д. Не случайно поэтому в социологическом сообществе вновь оживляется интерес к исследованию социоструктурных процессов, указывающий на необходимость переосмысления преобладающей в поныне классово-слоевой триады: «высший класс» - «средний класс» - «низший класс». Этот интерес отчетливо показывает, что ни для теории, ни для практики недостаточно как категорий исторического материализма, так и понятий стратификационной модели.

Тема социальной структуры всегда была в центре советской социологии. При этом по существу господствовал «субстантивистский» (см. [1]) подход, редуцирующий «социальное» к «коллективному», а социальную структуру к совокупности групп и определяющий последние как некие онтологически значимые «субъекты» исторического действия. Субстантивизм полагает, что «социальные отношения» должны быть воссозданы из таких концептов как «групповое (классовое) сознание», «групповые интересы», «солидарность», «образ жизни» и т.п. Естественно поэтому, что соответствующая эпистемология фокусирует внимание социолога на изучении границ, состава, численности социальных групп, вынося исследование социальных отношений за скобки. При этом сами социальные группы натурализируются (гипостазируются и фетишизируются), т.е. наделяются таким же онтологическим статусом, что и «вещи», существующие вне и независимо от сознания социолога.

Еще К. Маркс пытался сочетать реалистскую («реистскую») онтологию (признающую наличие объектов (вещей), существующих независимо от того, как они интерпретируются людьми) с реляционным определением предмета социологии: «Общество не состоит из индивидов, а выражает сумму тех связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу» [2]. К сожалению, большинство марксистов прошли мимо открытия основоположника, в духе «социологического реализма» продолжая трактовать социальные отношения как отношения между социальными группами, а сами группы определяя по способу коллективного действия [3].

Можно констатировать, что подавляющее большинство социологов отождествляют социальную группу с «субстанцией» - множеством людей, границы которого тем или иным способом конструирует научное сообщество. От этой схемы отказываются некоторые неомарксисты, в частности, Э.О. Райт, определяющий социальный класс не как «группу людей», но как отношение. Однако общественные отношения он трактует как преимущественно экономические: «Существование социальной группы обусловлено ее позицией-

Статья выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант 96-03-04557а) по теме "Стратегии становления российского предпринимательского класса и место в нем научной в технической интеллигенции".

внутри-отношений экономического производства». Декларация разрыва с субстантивизмом, вытекающим из этой онтологии, таким образом не есть гарантия серьезного научного успеха, и Э.О. Райт, увлекаясь конструированием групп, в конечном счете приходит к результатам, незначительно отличающимся от тех, что получают приверженцы субстантивизма (см. [4, pp. 50, 88, 150, 158-159, 283-286]).

Вопрос: «Как возможна социальная группа?» должен быть переформулирован принципиально иным образом: какие объективные и субъективные предпосылки должны действовать, какие практики должны осуществлять индивиды, чтобы социальные различия между ними производились/воспроизводились в качестве относительно устойчивой системы? Если мы попытаемся преодолеть органиченность классического эмпиризма и трансцендентального идеализма, то, вслед за У. Аутвейтом, придем к выводу, что, во-первых, предельными предметами социологического познания выступают порождающие социальные явления структуры (отношения, выступающие в роли каузальных механизмов), и, во-вторых, социологическое знание не является конструкцией научного сообщества, но производится внутри социальной практики науки [5].

Мы попробуем дать ответ на сформулированный вопрос, ориентируясь на концепцию «трансцендентального реализма» У. Аутвейта - Р. Бхаскара и опираясь на «конструктивистский структурализм» П. Бурдьё. Развиваемый в настоящей статье подход исключает существование социальных групп как социально оформленных классов в смысле К. Маркса («Манифест Коммунистической партии») и В.И. Ленина («Великий почин») - больших общностей людей, выступающих субъектами социальных практик и отличающихся друг от друга коллективными характеристиками. В действительности существует лишь пространство социальных различий (социальное пространство П. Бурдьё), на основе которых могут возникать все виды практических групп - исторически определенных коллективов агентов, мобилизованных для совместной борьбы и обладающих единством действий - от политической институции до семьи.

Существуют ли практические группы? Да, несомненно. Совпадают ли их границы с границами наиболее известных сконструированных научным сообществом «групп на бумаге», таких как «интеллигенция», «рабочий класс», «средний класс», «низший класс»? Однозначно нет. Так, практические группы, выступающие от имени «новых русских» или «рабочих», состоят, как правило, не из тех, кого они представляют. Из кого же? Ответ на этот вопрос составляет предмет настоящей статьи.

Позиция социального пространства

Понятие «социальное отношение» отражает различия между социальными явлениями, оно использует различие как схему теоретической оптики, оперирует различиями между социальными явлениями (событиями, агентами, объектами...) Реальность социального отношения - события, относящегося практики, - состоит в его причиняющем воздействии: оно выступает как порождающий механизм событий. Это означает, между прочим, что понятие «социальное отношение» устанавливает связь между причинами практик, ориентирует на исследование сопряжения практик в свете взаимодействия порождающих их каузальных механизмов. Но практики не связаны с социальным отношением как акциденции с субстанцией: они имеют одинаковый онтологический статус. Практики формируются социальным отношением и переструктурируют его в процессе собственной трансформации.

Социолог, изучая, например, членов трудового коллектива, если он действительно исследует общественные (а не психические, духовные и т.п.) явления, фиксирует инкорпорированные социальные отношения. Когда он применяет самые «мягкие», самые «качественные» методы вроде «нарративного интервью», он все равно измеряет некоторые социальные формы, их единичные проявления в уникальной социальной траектории или биографическом опыте. Сделать научные выводы можно и из материала, полученного при исследовании уникалии, но при этом надо выявлять в ней - универсалию, т.е. социальное отношение в его индивидуальном проявлении. К сожалению, это не всегда понимается. Так, социолог семьи зачастую лишь в начале исследования скороговоркой произносит правильные слова о семье как социальной форме, а затем вываливает на «рабочий стол социолога» груды данных, отражающих свойства членов семьи (обычно диспозиции) вне всякой связи с распределением социальных условий и предпосылок практик, их производством/воспроизводством и т.п.

Социальное отношение для социолога есть, во-первых, объективное, необходимое,

закономерное социальное бытие (внутри которого связывается множество агентов и условий их практик), чье восприятие, оценка и выражение, во-вторых, социально гарантировано. Это означает, что социальное отношение реализуется как система различий (система в силу того, что «единство», а различий - потому что «множество»), узнаваемых и признаваемых в качестве таковых, т.е. как система различий, ставших различиями. Закономерный и необходимый характер социального отношения проявляется как статистическая повторяемость, воспроизводство (неотделимое от производства) этой системы различий/различений всего, что существует в обществе, а в первую очередь - практик, как живых, так и опредмеченных. Поэтому социальная группа в качестве «пучка» отношений проявляется в воспроизводстве различий/различений, понимаемых как воспроизводство определенной системы практик (оформляющейся в социальный гештальт - стиль жизни), различающейся и различной от других систем практик. Но указанное воспроизводство требует средств производства и распределения практик - капиталов. Итак мы редуцировали исследование социального отношения к изучению социальной позиции, эмпирически определяемой как ансамбль капиталов.

Объективность и общественная природа связей между позициями открываются наблюдателю, когда он имеет дело с объективированной формой капиталов - предметами, средствами и условиями практик, легко узнаваемыми и признаваемыми. В то же время в случае капиталов в их инкорпорированном (знания, навыки, диспозиции, известность, авторитет) или институционализированном (дипломы, звания) виде уровень сокрытия от наблюдателя субъект-объектного характера отношений очень высок, и кажется, что структуры можно редуцировать к субъект-субъектным взаимодействиям, а интериори-зированные социальные отношения (например, способности или то, что называют вкусом) являются исключительно персональными качествами их обладателей.

Социальная функция объективации позиции социальной группой значительно отличается от социальной функции объективации капиталами социальных отношений. В первом случае мы имеем дело с персонификацией, интериоризацией, инкорпорацией социальных отношений в агентах - носителях этих отношений, т.е. с распределением ролей, статусов, функций и т.п. между агентами (распределением видов практик). Во втором - с опредмечиванием социальных отношений в условиях и предпосылках практик, т.е. с распределением между агентами ресурсов социального действия, выступающих в роли структур господства.

В «хорошем» исследовании позиция сконструирована таким образом, что предполагает однородность объективированных условий и предпосылок практик, что влечет за собой однородность практик (диспозиций, практических схем и т.п.) агентов, ее занимающих, в силу чего можно говорить о позиционных практиках как реальном феномене. Социолог конструирует новую позицию социального пространства как новый ансамбль капиталов, значимо отличающийся от уже существующих. На уровне статистического анализа позиции различаются сочетанием и объемами капиталов, а на социологическом - принципом композиции, структурой ансамбля капиталов, способом объединения его частей в целое. Например, позиция «новых русских» отличается от позиции «свободных профессий» не столько объемом капиталов, сколько соотношением экономического капитал/культурный капитал. Поэтому новая социальная позиция формируется, как правило, путем реконверсии близких старых позиций, выражающейся в изменении способа их воспроизводства: «новые русские» кардинально отличаются от «свободных профессий» тем, что несущей основой и активным началом их позиции является экономический, а не культурный капитал, даже если у отдельных «новых русских» объем экономического капитала меньше, чем у лиц «свободных профессий», а объемы культурного капитала - равны. Становление новой социальной позиции происходит в области неопределенности, размытости, понимаемой как эффект равнодействия разнонаправленных тенденций: в области социального пространства, где не сложились еще признанные эффективные институции. «Новая мелкая буржуазия» потому называется «новой», что связана с практиками, не имеющими социально гарантированных правил восприятия, оценивания и выражения, еще не признанных в каком-либо качестве в силу недавнего возникновения этих практик и их промежуточного положения - между «традиционной мелкой буржуазией», «свободными профессиями» и «служащими».

Мы не можем отождествлять агентов, объективирующих позицию, с самой позицией, даже если совокупность этих агентов является практической группой, мобилизованной для единых действий ради общего интереса. Точнее, любая практическая группа, любой социальный корпус, любая институция должны рассматриваться как «сгусток» или «пучок» социальных отношений, ибо именно они обуславливают объединение агентов в прак-

тическую группу или существование институции: следует видеть в каждой практической группе, каждой институции - социальные отношения: даже сама телесность агентов не есть «чуждый дар природы вечной», внеположный социальным отношениям.

В любом случае объективация социальной позиции напоминает институционализацию: институция есть «механизм» устойчивого воспроизводства определенных практик, диспозиций и социальных ситуаций, поэтому объективация позиции социальной группой возможна лишь в том случае, когда одна или несколько институций оформляют и производят/воспроизводят эту группу. Например, «свободные профессии» существуют и воспроизводятся как результат деятельности целой системы социальных институтов: института частной собственности, образования, семьи и т.д. Мы отличаем социальные позиции, объективированные институциями (армия, законодательная власть и др.) от позиций, объективированных социальными группами, но это различие в известной степени условно, так как агенты «группируются» во многом благодаря функционированию институций, остающихся «за кадром» социологического исследования. Социальные группы суть продукты объяснительной социологической классификации, распределяющей агентов между сконструированными в научных (пропагандистских, административных и т.п.) целях группами, и основанной на статистическом анализе. Но этот анализ обычно не распространяется дальше выявления объективной структуры - распределения социальных предметов и свойств среди агентов; он не отражает субъективного структурирования и не вскрывает причины того или иного распределения капиталов и агентов по позициям социального пространства, в то время как именно действия многочисленных институций и есть конкретная реализация ансамбля социальных отношений, структурирующего социальную действительность.

Если понимать институцию широко - как непрерывно воспроизводимое посредством опредмеченных социальных отношений различие (социально значимое различие, т.е. различие узнаваемое и признаваемое, чье восприятие, оценка и выражение в таковом качестве гарантировано распределенными между агентами релевантными практическими схемами), то любая социальная позиция представляет собой институцию. На самом деле, мы говорим об «армии» и «высших кадрах» как о социальных позициях, но никогда не применяем этого термина к «машиностроению» и «менеджерам», поскольку в первом случае мы имеем социально (и юридически) гарантированные правила восприятия, оценивания и выражения этих объектов (другой вопрос, кем и как эти правила произведены и воспроизводятся), а в случае «менеджеров» и «машиностроения» подобные «социальные гештальты» не сложились. Существование институции вовсе не обязательно влечет за собой существование социальной группы, по крайней мере - в качестве коллективного агента, а не конструкта, и пример тому - «новые русские», которым СМИ стали приписывать атрибут существования (в роли социального субъекта), которых стали узнавать и признавать гораздо раньше, чем они возникли в трудах социологов как «группа на бумаге». Но, повторимся, если возможна институция без социальной группы, то социальная группа без институции невозможна.

Как возникает новая позиция? Актуально существующая система позиций поля создает предпосылки и условия для практик (коллективных и индивидуальных агентов) и тем самым обуславливает их. Практики изменяются в соответствии с законами-тенденциями поля и своими особенностями, и результатом этого изменения может быть появление новых социальных отношений. Так, конкурентная борьба в поле политики принуждает агентов (в первую очередь - доминируемых) в поисках наиболее эффективных инвестиций своих капиталов участвовать в новых политических отношениях (в силу того, что из-за недавнего происхождения этих отношений они еще не насыщены носителями, участвуя в них, можно сравнительно быстро добиться увеличения политического капитала просто за счет экстенсивной стратегии - таким способом сделали карьеру члены различных комитетов и комиссий по приватизации, земельной реформе и т.п.), становиться их носителями, производить/воспроизводить их во все возрастающих масштабах. Для того чтобы новые отношения оформились в новые позиции поля политики, необходимо, во-первых, объективировать их в совокупности политических капиталов и, во-вторых, субъективировать в устойчивой во времени общности носителей. Такое представление о механизме генезиса новых позиций поля политики имплицитно содержит модель наиболее вероятных носителей вновь возникающих политических отношений: в структуре совокупного капитала у них высока доля культурного капитала, так как именно последний дает возможность агентам быстро осваивать новые социальные формы практики.

Создать новую позицию - значит установить, произвести отличные от уже существ-

вующих социальные отношения, вписать их в ансамбль поля и постоянно воспроизводить; проделать определенную работу против поля, сдвинуть сложившееся динамическое равновесие сил, а для этого нужны социальные формы и капиталы. Объективация таких (новых) отношений в структурированной совокупности капиталов, т.е. в позиции, дает возможность воспроизводить их устойчиво и непрерывно во времени, так как аккумулирует объективированные условия и предпосылки практик производства/воспроизводства, но эту возможность надо превратить в действительность. Само по себе возникновение новой позиции поля еще не означает становления новой практической группы, так как занявшие эту позицию агенты могут образовать лишь серийную (см.: [6, р. 234, 281]) группу - постоянно обновляющуюся, текучую, беспредельно подвижную, состоящую из не связанных между собой, непрерывно меняющихся, изолированных единичных индивидов. Одной объективации социальных отношений (в определяющем позицию специфическом сочетании капиталов) недостаточно для становления практической группы как коллективного агента - эти капиталы надо еще и субъективировать в групповом габитусе [7, р. 16-17]; занимающие позицию агенты должны сложиться в качестве социального корпуса, обладающего идентичностью (более широко - признанными представлениями о себе самом) и мобилизованного вокруг общего интереса [8-9].

Роль культурного капитала в становлении новых доминирующих позиций

В поддержании доминирующих позиций в социальном поле, а особенно в создании новых (будь то поле политики или поле частной экономики, которых в советскую эпоху не существовало), очень важную роль играет культурный капитал претендента на занятие данной позиции. Культурный капитал, который кажется чем-то вторичным по отношению к экономическому, например, в случае предпринимателей, оказывается на поверку, одной из важнейших составляющих, наряду с социальным и бюрократическим. В социалистических странах у представителей партийной номенклатуры не было никаких других противников в их борьбе за господство, кроме держателей культурного капитала. П. Бурдьё пишет: «Все заставляет предположить, что в действительности в основе изменений, случившихся недавно в России и других социалистических странах, лежит противостояние между держателями политического капитала в первом, а особенно во втором поколении, и держателями образовательного капитала, технократами и, главным образом, научными работниками или интеллектуалами, которые отчасти сами вышли из семей политической номенклатуры» [7, р. 33].

Значение культурного капитала в годы советской власти было очень велико не только по причине «выведения за рамки» экономического капитала, имеющегося во владении социальных агентов, но и в силу специфических механизмов формирования элит. Динамику наращивания образовательного капитала в рядах номенклатуры характеризуют, с одной стороны, увеличение числа членов ЦК КПСС, получивших второе высшее и поствысшее образование (в том числе, гуманитарное), а с другой - рост дипломированных специалистов с высшим партийным и комсомольским образованием. Рост культурного капитала номенклатуры, в первую очередь тех, кто занимал подчиненное положение, спровоцировал противостояние владельцев культурного и бюрократического капитала.

Изменение удельного веса культурного капитала сопровождалось дифференциацией общества и стагнацией его высших эшелонов. Политические и хозяйственные элиты стабилизировались, сменяемость в рядах номенклатуры резко снизилась. Средние и нижние ступени номенклатурной иерархии, не имея «достаточных» властных полномочий, делегированных им партийным аппаратом (т.е. делегированного политического капитала), обладали достаточно высоким культурным капиталом, чтобы не чувствовать себя в полной зависимости от аппарата (что как раз и отличает их более всего от сталинской номенклатуры). Доминируемые среди доминирующих, «второй эшелон» оказался в достаточно «тупиковой» позиции, не имея, с одной стороны, возможностей для карьерного роста, а с другой стороны - был лишен возможности владения собственностью и наращивания экономического капитала. Все это подтолкнуло его к пересмотру основополагающих принципов дифференциации и иерархизации социального пространства с передачей своих прав доверенным лицам и к борьбе за создание новых позиций в социальном пространстве, гарантирующих занятие более высоких социальных позиций, т.е. собственно к «перестройке» и воссозданию частной экономики.

Социальная группа: чем она должна стать, чтобы обрести социальное бытие?

Имея представление об эмпирических позициях (системах различий), допустимо ставить вопрос о том, чем (с точки зрения социологии) должна быть социальная группа (социальное отношение), чтобы стало возможным производство/воспроизводство позиционных практик (различий) в историческом времени социального пространства. Эта проблема фокусирует наше внимание на практиках индивидов в качестве агентов воспроизводства/производства определенных действий, коммуникаций, ментальных структур, ситуаций и т.д.: мы переписываем задачу об условиях существования позиционных практик в терминах воспроизводства/производства той системы различий (в которой проявляется социальное отношение), без которой группа не была бы тем, чем она по существу своему является.

Итак, необходимыми и достаточными условиями возможности производства/воспроизводства позиционных практик являются: во-первых, фактическое закрепление (оно может принимать самые разные формы - от юридических до моральных) за агентами, из которых складывается группа, некой совокупности объективированных ресурсов (капиталов) всех видов, выступающих в данном контексте в качестве средств производства; во-вторых, «привязка» (посредством многообразных процессов разных уровней: интериори-зации, социализации, воспитания, внушения и т.д.) этих агентов к некоему габитусу (понимаемому, согласно П. Бурдье, как система устойчивых, переносимых из одной сферы действия в другую практических схем или диспозиций, которая выполняет функцию производящего базиса практик) и к стилю жизни [10, p. 191-192].

Понятие габитуса объясняет закономерность, согласно которой по отношению к любому агенту всегда есть такая социальная позиция (социальные позиции), которую он не сможет занять даже в том случае, если ему будут предоставлены соответствующие объективированные условия и предпосылки практик. Поскольку позиция есть не только специфическая совокупность капиталов, но еще и специфические виды практик, то для того чтобы ее занять, освоить, надо усвоить и присвоить определенную совокупность практик -а для этого необходимо иметь определенный габитус.

Третьим важнейшим условием указанной выше возможности выступает бытие социальной группы в качестве практической (мобилизованной для совместных действий) группы — приведенной в деятельное состояние группы-для-себя, готовой к борьбе за сохранение и/или развитие своей социальной позиции.

Конструирование какой-либо социальной позиции означает, что занимающие ее агенты относительно однородны в плане капиталов, находящихся в их распоряжении, а также реализуемых ими практик, так как совокупность различий, понимаемых в первую очередь как различия капиталов и практик, конституирует позицию. Но коллективный социальный агент - это мобилизованная группа, готовая к совместным практикам ради общей цели и общего интереса. Такая группа не может возникнуть только в силу того, что у всех ее членов похожие условия жизнедеятельности. Формула «<(габитус) x (капитал)> + поле = практика» [10, p. 112] предполагает, что сходство практик определяется сходством капиталов и габитусов (что находит свое отражение в понятии позиции), а это требует подобия более глубоких структурных детерминаций практик. Устойчивость отдельной позиции предполагает ее воспроизводство во времени и социальных отношениях, а также наличие других позиций и установление отношений с ними. В свою очередь, гомогенизация и согласование практик (индивидуальных агентов, занимающих данную позицию), равно как воспроизводство (представляющее собой систему социальных отношений и предполагающее существование соответствующих стратегий и специализированных институций) и отношения с другими позициями, немыслимы без совместных, а не просто совпадающих практик, общей коммуникации, которые никогда не реализуются без формирования и регуляции специальными «органами» (институциями) группы практик своих членов. Эта совместная деятельность и общение, а следовательно, сама позиция (и коллективный агент поля) невозможны без легитимных представлений о позиции и социальной самоидентичности - представлений о своей позиции в социальном пространстве и объективирующей ее практической группе, которая является практическим следствием социальной классификации.

Габитус интегрирует индивидуальные и коллективные практики и в силу этого снимает противопоставление индивидуального и социального, внутреннего и внешнего. В качестве

средства интериоризации внешнего (социального), габитус дает возможность агенту развивать практики, которые были приобретены в опыте как спонтанные, свободные и непредсказуемые, в то время как они представляют собой социальные формы, очерченные границами становления габитуса. Таким образом, в процессе социализации институциональные, социальные и подобные им различия превращаются в индивидуальные. Воспитание, образование, внушение, присвоение и усвоение находят свое логичное завершение в инкорпорировании, в пресуществлении интериоризируемых практик в тело агента. Объективная вероятность занять данную позицию переживается как субъективное ожидание принадлежать к определенной группе.

Совпадающие структурные обусловленности практик фатально не определяют существование совместных практик агентов, занимающих одну позицию. Социальные группы как совместности практик агентов (связанных общностью позиции в социальном пространстве), позволяющие им говорить «мы» и гарантирующие их способность к позиционным практикам, возникают в результате борьбы двух противоположных тенденций: с одной стороны, в любой общности постоянно действует тенденция к распаду (на множество несвязанных «серийных» индивидов), с другой - к объединению. Это означает «бытийную недостаточность» группы, необходимость «делать себя», а не просто «быть собой»: группу, мобилизованную вокруг общего интереса и обладающую единством действия, нужно производить, создавать путем постоянной целенаправленной работы - социально-культурной и в то же время политической - как через конструирование представлений (в широком интервале от номинаций и практических таксономий до идеологем, мифов и «научных» теорий) о группе, так и через репрезентирующие ее институции (от «групп давления», возникающих ad hoc, до ассоциаций, обществ и партий) [11, с. 189-190].

Если мы говорим о практической группе или социальном корпусе, то должны признать существование функциональной дифференциации, т.е. выделения из социального тела группы специализированных институций, доверенных лиц и т.д.; наличие подобных «социальных органов» есть верный признак существования группы. Вместе с тем практическая группа - это не субъект или органическое целое, не тотальность, но общность различного, со-вместность агентов в историческом времени социального пространства, совмещенность в одной позиции.

Социальная группа практически существует лишь как субститут группы, субститут, способный действовать в качестве практической группы, как более или менее осознанная метонимия, выражающаяся уравнением: практическая группа=социальная группа. Отношение между этим субститутом (практической группой, мобилизованной для борьбы, а ей может быть институция или социальный корпус) и социальной группой подобно отношению между обозначающим и обозначаемым: поскольку обозначающее существует и обозначает (включая все формы представления - от символического до политического), постольку существует обозначаемая им социальная группа и гарантирует своему обозначающему бытие в качестве обозначающего социальной группы. «Обозначающее - это не только тот, кто выражает и представляет обозначаемую группу; это тот, благодаря кому группа узнает, что она существует, тот, кто обладает способностью, мобилизуя обозначаемую им группу, обеспечить ей внешнее существование» [12, с. 239].

Можно выделить три типа отношений между субститутом и социальной группой.

Во-первых, это отношение определяется исторической конвенцией: символическое и политическое представительство заведомо условно; между практической и социальной группой не существует гомологии, так что они в состоянии лишь соотноситься, но не взаимодействовать и взаимопроникать.

Во-вторых, отношение между ними может заключаться в том, что субститут моделирует, "отражает" практики социальной группы, старается уподобиться ей. Но поскольку "социальная группа" есть конструкт, постольку в данном случае субститут способен представлять образ общности, существовавшей в прошлом, например, воскрешать реалии Российской Империи, как это делают новоявленные "казаки" и "дворяне". Реанимация "казаков", кстати, происходит, на наш взгляд, существенно успешнее, что объясняется различиями в политической и символической активности субститутов этих "сословий", а также тем, что степень гомологичности практических групп "казаков" их воссоздаваемой группе на бумаге выше, чем у "дворян".

В-третьих, отношение между субститутом и социальной группой сводится к активному конструированию последней. В этом случае субститут предпринимает попытки сформировать социальную группу, замещая ее собой: практическая группа производит практики

вместо социальной группы и производит практические схемы для нее и о ней. Иными словами, социальная группа производится/воспроизводится субститутотом.

По аналогии с понятием "репрезентативная культура" [13] мы можем говорить о репрезентативной практической группе, являющейся субститутотом социальной группы потому, что производимые ею политические и символические практики представления группы на бумаге, а также практические схемы, создающие социальные представления о социальной группе, фактически - активно или пассивно - признаются как представляемыми агентами, так и другими практическими группами, институциями и т.п. Практическая группа репрезентирует группу на бумаге, которая означает лишь то, что представляет (во всех значениях этого слова) практическая группа; именно в этой репрезентации и существует для агентов социальная группа.

Как понимать, что практическая группа представляет группу на бумаге? Практическая группа тем и отличается от группы на бумаге, что она мобилизована для действий, способна к коллективным практикам, в том числе и к практикам политического и символического представительства. Одно из проявлений представительства заключается в том, что группа на бумаге существует как совокупность практических схем (произведенных субститутотом и определяющих восприятие и оценивание данной группы на бумаге как социальной категории), а также ансамбль политических и символических практик субститута, и вне этих схем и практик не существует. Напротив этого, второе проявление представительства не переводит социальную классификацию в практические схемы и практики, производимые субститутотом, но преобразует структуру социального пространства, формирует новые социальные условия и предпосылки практик. И в первом, и во втором случае представительство социальной группы основано на преданности ее существованию субститута; представительство сообщает субституту бытие в качестве социально признанного бытия и способность представлять самого себя как свое иное - как социальную группу.

Противопоставление практической группы - социальной снимается, если мы в любых социальных практиках увидим объективированное состояние социального и его субъективированное состояние - габитус.

Актуализация объективированного состояния социальной действительности в практиках агента есть факт его габитуса, понимаемого как субъективированное состояние социальных отношений. Отношения между субститутотом социальной группы (институцией, практической группой) и социальной группой, сконструированной социологами, философами, политиками, является разновидностью "онтологического соучастия" (см. [12, с. 273-274]). При этом означающее и означаемое вовлечены в одни и те же социальные отношения; габитусы и институции, капиталы и практические схемы движутся в одной логике, а социальные отношения сопрягаются сами с собой, самосообщаются и самоотражаются. Иными словами, как субъективированное состояние социальных отношений обнаруживает себя в их объективированном состоянии, так и субститут социальной группы находит себя в социальной группе, а ее члены раскрываются в своем субституте, распознают себя в нем и признают его. Однако это "социальное соучастие" не реализуется автоматически, само собой, подобно тому как реализуются законы ньютоновской механики; оно осуществляется посредством множества позиционных практик сменяющихся поколений агентов институций и практических групп, имеющих значение воспитания и внушения, подчинения и влияния, представительства и символизации, т.е. практик, без которых невозможна социализация и интериоризация/экстериоризация социальных отношений.

Например, "либеральная интеллигенция" идентифицирует себя с объективируемой, скажем. Е.Т. Гайдаром позицией "ученого-реформатора", потому что, во-первых, его практики представления "либеральной интеллигенции" являются результатом функционирования поля производства символических благ, в которое интегрированы как представляемые, так и представитель: они инкорпорируют одни и те же отношения, участвуют в одной социальной игре, и в этом заключается их "социальное соучастие", благодаря которому "либеральная интеллигенция" узнает и признает Е.Т. Гайдара. Во-вторых, он постоянно предпринимает усилия, направленные на освоение и присвоение дохода и прибыли от вовлечения представляемых им агентов в политическую игру представительства, на эксплуатацию веры в эту игру. Это означает, что Е.Т. Гайдару не нужно притворяться, играть "роль", "представлять из себя" что-то - напротив, для того, чтобы быть политическим представителем своей "группы на бумаге" ему достаточно быть самим собой, так как он образует единство со своими представляемыми, отличаясь от них так же, как генеральный секретарь отличался от секретарей райкомов; он не учился осуществлять

политическое представительство, не подражал другим политикам, но "просто" идентифицировал себя со своей символической функцией, которая, как кажется самой "либеральной интеллигенции", является частью ее социальной сущности.

Внешнее представление социальной группы в качестве практической (институции, социального корпуса) на деле скрывает область практик, в которой субституту приходится активно действовать, чтобы производить/воспроизводить различия, образующие непосредственно воспринимаемый "социальный гештальт". Этому "гештальту" в социологии соответствует "квант" социальной структуры - социальная группа "на бумаге", которая, объективно не существуя, воспринимается, оценивается и выражается агентами (с помощью определенной конфигурации признанных практических схем) в качестве общности индивидов, наделенных полностью сходными как внутренне присущими им, так и относительными свойствами.

Представительство (как политическое, так и символическое) есть объективация серийных агентов в институции, социальном корпусе или практической группе. Представительство, как правило, предшествует делегированию: представители - "доверенные лица" - действуют как субститут группы "доверителей", хотя в действительности им никто не передавал своих функций или не предоставлял полномочий. "Рациональное представительство", основанное на более или менее осознанном и юридически оформленном инвестировании полномочий по символизации группы доверителей, представительству их интересов и т.д., есть такая же фикция, как и "le Contrat social", так как сама группа "доверителей" просто не существует, она - иллюзия. Но никто не может сказать "доверенным лицам": "Вы - не группа". Точнее, если кто и может ниспровергать "доверенных лиц" от имени "доверителей", так это другие "доверенные лица" (или институции), также претендующие на роль субститута данной "группы на бумаге". Например, когда КРО выступает от имени "русских в ближнем зарубежье", то его право на подобные заявления оспаривают не фантомные "русские общины", но другая институция - ЛДПР. (То же относится к непрекращающимся раздорам между различными профсоюзными объединениями, союзами писателей, пытающимися представлять "всех рабочих", "всех писателей".) Представительство оформляет агентов в "группу на бумаге", воспринимаемую, узнаваемую и признаваемую в качестве "социальной группы", но этот процесс не контролируется "группой", поскольку она не существует как действительный социальный организм (см. [14]): существуют лишь системы различий как "социальные гештальты" позиций социального пространства. Но чтобы стать различиями, эти различия должны быть приняты и признаны агентами. Для того чтобы, в частности, агенты могли идентифицировать себя с "интеллигенцией", сопоставлять или противопоставлять себя ей, необходимо производство/воспроизводство соответствующих практических схем. Агентами данного производства/воспроизводства (неотъемлемыми элементами которого являются представительство и символизация), как раз и выступают субституты "интеллигенции" - различные институции (политические партии и движения, но и СМИ, а также Союз писателей России и Союз российских писателей, РАН, Госкомстат и другие производители социальных классификаций), социальные корпуса (врачи, журналисты, актеры...), практические группы (творческие и педагогические коллективы, различные лобби, инициативные группы и т.п.) и отдельные "символы-агенты", обладающие институционализированным культурным и/или политическим капиталом ("великий писатель" - А.И. Солженицын, "диссидент" - А.Д. Сахаров и т.д.). Именно эти субституты и производят "интеллигенцию", формируя ее представления и представления о ней: без действий институций и практических групп социальная группа "интеллигенция" как объективация позиции социального пространства не существовала бы, более того, сама позиция начала бы расплываться, исчезать (что и происходит на деле, начиная примерно с 1991 года), так как производство/воспроизводство социальных отношений, формирующих позицию, невозможно без их интериоризации, эффективного усвоения агентами, а это, в свою очередь, требует действий со стороны институций и практических групп.

Таким образом "интеллигенция", во-первых, есть "часть, которая больше целого", т.е. организованные в практические группы или институты профессионалы символического и политического представления, отождествляющие себя с интеллигенцией по принципу "интеллигенция - это мы" и способные действовать именно как целое, как коллективный агент - совокупность агентов, объединенных (на основе общего интереса) общей целью и задачами, обладающих единством практик и сходными габитусами. Во-вторых, "интеллигенция" являет собой некоторое число агентов, интериоризировавших соответствующие практические схемы и более или менее активно участвующих (в качестве "любителей" или

статистов) в представлениях профессионалов. В-третьих, "интеллигенция" - это еще и пассивное "молчаливое большинство" - агенты, не сопротивляющиеся тому, чтобы их представляли и символизировали именно в этом качестве, чтобы о них и от их имени говорили, писали и делали то, что говорят, пишут и делают профессионалы и "активисты". (Конечно, все это относится сугубо к тем агентам, которые по статистическим критериям социологической науки, "на бумаге" объективируют интересующую нас позицию социального пространства.) Метафорически можно изобразить "интеллигенцию" (или любую другую социальную группу) в виде кометы - "твердое ядро" институций и практических групп (т.к. в реальности каждая социальная группа имеет несколько субститутов, то нужно говорить о нескольких конкурирующих между собой "ядрах"), ярко светящаяся, но не структурированная "голова" (активисты-непрофессионалы символического производства) и огромный мерцающий "хвост". "Невооруженный глаз" идентифицирует социальную группу - "комету" - с "головой" и "хвостом", тогда как на самом деле сущность ее обусловлена "ядром".

В разных социальных группах отношение институций/активисты/"статистические" члены социальной группы разное, объединяет же их следующая закономерность: эффективность и продуктивность институций (практических групп) влияет на модус существования позиции, которую объективирует социальная группа, так что чем менее эффективна специфическая производственная деятельность институций, тем неопределеннее границы позиции социального пространства, тем неустойчивее репродуцируется она во времени. (Эту закономерность иллюстрирует, например, усиливающаяся дивергенция траекторий двух социальных позиций - врачей и юристов - в зависимости от политической и символической активности соответствующих социальных корпусов.) Здесь необходимо отметить, что количество субститутов, степень мобилизации представительства социальной группы и сам характер этого представительства определяются природой объективируемой позиции социального пространства, в частности, объемом культурного капитала, приходящегося на ее долю. А именно: доминируемые агенты, располагающие небольшим объемом культурного капитала, в гораздо большей степени предрасположены отчуждать практики представительства и полагаться на институции, нежели доминирующие агенты, которые зачастую ограничиваются практическими группами: ассоциациями, группами давления или инициативными группами (см. [12, с. 185 - 186]).

Социологи слишком долго полагали, что представительство (включая символизацию) однозначно коррелирует с делегированием некоему представителю определенных "полномочий", и что на вопрос о "мандате" всегда есть ответ, который не может не быть истинным или ложным. Однако политические и символические представления производятся не для того, чтобы что-то представлять: отношение между социальной группой (означающее) и институцией (означающее) неоднозначно, оно имеет смысл социальной игры. Эта игра приводит к неограниченному числу значений, связываемых с отношением между означаемым и означающим: это и символическое действие, и социальное действие, и политическая иллюзия. Представительство не может быть сведено к референции; оно есть многозначное пространство практик субститутов группы, поскольку значение представительства социальной группы не определяется пред-существующей реальностью: в процессе представительства социальная группа "...образует самое себя, обретая совокупность присущих группам элементов..." [12, с. 236]. Релятивизм представительства снимается результатом: субституты лишь в том случае представляют социальную группу, если сами производят ее, продуцируют своих доверителей.

Делегирование и бюрократический капитал: номенклатура

В "обыденном" социологическом сознании "номенклатура" ассоциируется, в первую очередь, с функционерами, занимавшими известную совокупность руководящих постов советской партийно-государственной системы, постов, которым эта система делегировала полномочия по управлению определенными ресурсами общества, будь то ресурсы материального (государственная собственность), культурного (научные знания, предметы искусства и средства их производства и распространения и т.д.) или символического (разнообразные официальные номинации - звания, дипломы, сертификаты и др.) характера. Номенклатура - это, таким образом не совокупность людей, но совокупность позиций, наделенных определенными властными полномочиями, в то время как люди на этих позициях могут меняться.

Вспомним, что в работе стихийно возникших после Февральской революции 1917 г.

советов могли принимать участие все без исключения. Советы представляли собой своеобразный сколок с общины, дела в которой решались всем "миром", т.е. собранием всех заинтересованных. Иными словами, коллективные практики формировали "общую волю коллектива", оформлявшуюся в конкретные решения. Институционализация советов, завершившаяся в целом к августу 1917 г., превратила их из органа непосредственной демократии в орган демократии представительной: во-первых, из "клеточек" самоуправления суверенного народа совет превратился в выборный орган, в собрание представителей, которые хотя и не были еще профессиональными политиками и администраторами, но работали на постоянной основе; во-вторых, в советах повсеместно возникают исполнительные комитеты — "бюро" — с их специфической политико-административной компетенцией и специализированным языком, состоящие из освобожденных работников и избираемые не непосредственно доверителями (рабочими, солдатами, крестьянами), но самими членами совета - доверенными лицами доверителей.

Атомизированные агенты ("народ") создали, посредством делегирования советам полномочий решать свои проблемы, новую социальную реальность - советскую власть, государственную силу, стремившуюся к монополии легитимного физического и символического насилия. Власть советов заключается с этого момента в том, что освобожденные работники как доверенные лица доверенных лиц, действуют в качестве своих, доверителей ("трудящихся") и вместо них. "В качестве" в данном случае означает, что эти "дважды" доверенные лица в социальном плане отличались (располагая более значительными культурным, социальным и символическим капиталами, двигались по другим социальным траекториям...) от своих доверителей, так же как дворянин Ленин разительно отличался от питерских рабочих, но говорили и действовали от их имени, выражали их интересы (или то, что принималось самими трудящимися в качестве своих интересов) и т.д.

Механизм делегирования и представительства, лежащий в основе этой власти (в той же мере, в какой на нем основаны все западные демократии), не только не ведет к социальной однородности, но напротив, в расширенном виде воспроизводит неравенство агентов, с которым советы (по мысли российских теоретиков коммунизма) призваны были бороться. Советы по сути дела воспроизводили неравномерное распределение капиталов среди граждан. Во-первых, они интегрировали в себя в качестве непосредственной демократии лишь тех, кто имел необходимый культурный и экономический капитал (как минимум -свободное время), чтобы заниматься политикой. Во-вторых, в качестве представительной демократии советы, на словах декларируя необходимость привлечения к управлению государством "широчайших народных масс", на деле способствовали формированию социального корпуса профессиональных политиков и администраторов - номенклатуры.

Чем меньшим объемом капиталов обладают доверители, тем более самостоятельны доверенные лица. Особенность делегирования "рабочих и крестьян" состояла в том, что в силу их обделенности всеми видами капиталов, делегирование своих полномочий, подразумевавшее полный отказ от участия в (материальных и символических) доходах освобожденных работников (номенклатуры), оно было для них единственной возможностью заявить о себе, хоть как-то выразить свои интересы через "своих" доверенных лиц. Отсутствие у доверителей ресурсов, необходимых для самостоятельного производства политических практик, наделяло доверенных лиц совершенной свободой действий, которой они в полной мере воспользовались во время "коллективизации", "индустриализации" и т.п.

Однако для целей нашего исследования важнее проанализировать процессы делегирования и представительства внутри большевистской партии. Отметим, что она создавалась и функционировала как партия рабочего класса, который не мог существовать иначе, как посредством делегирования своих прав и функций партии, порождавшей этот класс тем что, действовала от его имени и вместо него. Рабочий класс определялся через партию в соответствии с формулой: "РСДРП и есть рабочий класс", причем лишь партия способна реализовать рабочий класс как действительную политическую и социальную силу, а изолированные агенты (рабочие) не могут объединяться в мобилизованную для борьбы группу, так как бедны капиталами, и поэтому вынуждены к долгосрочному и безусловному делегированию полномочий и функций политического и символического представительства освобожденным профессиональным работникам, организованным в партию. РСДРП-ВКП(б) в качестве партии доминируемых, "... у которых нет иного выбора, кроме отказа от прав или самоотречения в пользу партии, этой перманентной организации, которая должна создавать представление о непрерывности класса, всегда стоящего перед опасностью впасть в прерывность атомизированного состояния (с уходом в частную жизнь и поиском

путей личного спасения) или в ограниченность борьбы за сугубо частные цели" [12, с. 1851, должна была предоставить и своим доверителям и своим членам развернутую программу мышления и действия, а взамен требовать от них неограниченного кредита доверия. В этом заключается одно из отличий партии доминируемых от партии доминирующих, которые ограничиваются партиями-ассоциациями, организованными по типу клубов и имеющими в лучшем случае общую идеологию.

Всеобъемлющее делегирование полномочий и политико-культурная зависимость как социальной базы партии, так и рядовых членов привели к исключительно высокой концентрации политического капитала в аппарате ВКП(б). Заметим особо, что практика постоянных чисток и наборов искусственно поддерживала высокую долю рабочих среди членов партии и создавала исключительно благоприятные условия для консервации политико-культурной зависимости основной массы партии от аппарата.

Чтобы объяснить процессы формирования и функционирования номенклатуры, мы должны рассмотреть особенности делегирования аппарата партии, понимаемого как социальный корпус доверенных лиц - переход от съезда к ЦК, от ЦК - к Политбюро. Аппарат являлся социальным корпусом в том смысле, что был общностью агентов, воспроизводимой и регулируемой системой институций, связанной общим габитусом и мобилизованной для политической борьбы. Понятно, что в силу проанализированных выше особенностей делегирования "рабочих и крестьян" этот аппарат был мощным и многочисленным, наделенным широчайшими полномочиями. Слабая обратная связь с доверенными лицами способствовала концентрации власти в руках освобожденных работников и развитию тенденций к самовоспроизводству аппарата. Поэтому аппарат делегировал власть над собой тем освобожденным работникам, которые полностью от него зависели и в силу этого действовали в его интересах. "...Существует известная и причем не случайная структурная общность между аппаратом и определенной категорией людей. Их можно охарактеризовать в основном негативно, как напрочь лишенных качеств, обладание которыми могло бы вызвать интерес в известный момент и в рамках определенного поля деятельности. ...Аппарат обычно возносит на пьедестал людей надежных... Потому что у них нет ничего, что они могли бы противопоставить аппарату" [12, с. 256-257].

Таким образом, аппарат, с одной стороны, на протяжении всей советской истории пытался контролировать состав доверителей, не допуская массового притока в ряды партии носителей большого политического и культурного капитала (чистки партии и "рабочие наборы", репрессии против старых кадров, накопивших значительный личный политический капитал, квотирование при приеме в партию), а с другой - делегировал власть над собой "блистательным посредственностям", т.е. агентам, не располагающим значительными личными (не делегированными аппаратом), политическим и культурным капиталами.

Воспроизводство аппарата в том виде, в каком он существовал в 30-х - 40-х г. было возможно лишь при условии невысокого политического и культурного уровня его доверителей и удаления из рядов самого аппарата всех кадров, имевших опору вне его. Репрессии объективно повышали управляемость аппарата, поддерживая в нем непрерывное напряжение. Но как метод управления и воспроизводства они были возможны лишь при низком уровне образования и профессиональной подготовки как самого аппарата, так и партии в целом, поскольку именно дефицит культурного капитала позволял доверенным лицам доверенных лиц закреплять за своими постами огромные и не контролируемые доверителями полномочия.

К моменту начала "перестройки" характер делегирования существенно изменился в силу того, что значительно вырос уровень образования как доверителей, так и доверенных лиц. Партия перестала быть монопольным собственником политического и культурного капитала, буквально "из ничего" создающим своих освобожденных работников с помощью системы партийного образования.

Важно отметить, что формирование советской номенклатуры в 20-е - 40-ые г. представляло собой полную смену старых "элит", существовавших до революции, практически полное обновление доминирующих с вытеснением или физическим уничтожением высокопоставленных чиновников, буржуазии, дворянства, специалистов. Этот период отмечен становлением контрэлит, обладавших изначально очень низким культурным капиталом, имевшим "трудовое" происхождение, но обладающим практическим чувством ("классовым чутьем") и бывших, конечно же, членами партии. Эти люди и стали социальной базой новой контрэлиты - номенклатуры. Новая политическая и культурная элита из "выдвиженцев" легитимировала и стабилизировала режим.

Революция (или "контрреволюция"?) начала 90-х годов в отличие от Октябрьской не

привела к круговороту элит. Взамен старым советским элитам, несмотря на все "радикальные" реформы не пришла контрэлита, поскольку не изменились основы сложившегося при советской власти социального порядка. Реформирование экономических и социальных отношений, начавшись сверху, с реформы и раскола в партии и ЦК, не ставило перед собой цели передачи власти другому слою или смену парадигмы социальной мобильности.

Если рассмотреть характерные для постсоциалистического общества принципы дифференциации, то можно увидеть, что одно из главных различий между социальными пространствами капиталистического и социалистического типа заключается в том, что экономический капитал официально (а во многом и действительно) не имел большого значения. В такой ситуации относительный вес культурного капитала в общем объеме капитала сильно возрастает, но различия в шансах присвоить редкие блага или услуги не могут соотноситься только с различиями в нем. Следовательно, нужно предположить, что существует другой принцип дифференциации, другой вид капитала, неравное распределение которого лежит в основе обнаруживаемых различий, в частности, в качестве и уровне потребления, в стиле жизни. Этот принцип дифференциации можно было бы назвать распределением бюрократического капитала (выступающего иногда в виде политического или партийного), обладание которым обеспечивает своим владельцам частную форму присвоения общественных благ и услуг (госдачи, квартиры, машины, больницы и т.д.).

"Государство - пишет П. Бурдьё - есть завершение процесса концентрации различных видов капитала: физического принуждения или средств насилия (армия, полиция), экономического, культурного или, точнее, информационного, символического - концентрации, которая сама по себе делает из государства владельца определенного рода метакapитала, дающего власть над другими видами капитала и над их владельцами" [15]. В СССР он распространялся на все области жизни общества: образование, искусство, науку, коммуникации, здравоохранение. ... пространство в время... Метакapитал государства (и особая его форма - бюрократический капитал) имеет синкретическую природу и может быть преобразован в любой другой вид капитала. А синкретическая природа бюрократического капитала проявлялась в том, что в социалистических странах он функционировал в качестве политического и социального одновременно.

Бюрократический капитал - это очень неустойчивый вид капитала, трудно поддающийся управлению, что объясняется главным образом тем, что он не гарантирован юридически. Он формируется в практике и накапливается практически, за годы работы. Этот вид капитала непереходим, его невозможно унаследовать. В этом смысле бюрократический капитал сходен с социальным с той разницей, что первый действует от имени государства, т.е. квази-обезличенно, в то время как второй есть признание личной принадлежности к некоей группе. Неустойчивость и особенности бюрократического капитала таковы, что как только бюрократ покидает свой пост, он не имеет более возможности ни сохранять, ни аккумулировать этот вид ресурсов.

Мы предлагаем различать следующие формы бюрократического капитала.

Объективированная: ресурсы, имеющиеся в распоряжении бюрократа, занимающего данный конкретный пост, т.е. предприятия, учреждения, материальные и финансовые ресурсы, находящиеся под контролем и управлением данного функционера.

Институционализованный: звания, награды, посты (занятие выборных постов в партийных, советских или профсоюзных структурах различного уровня, звание Героя социалистического труда и т.д.).

Инкорпорированный: компетенция, опыт, навыки работы, диспозиции, связанные с руководящей работой, власть и влияние в официальных формах, а также практические схемы, специфические приемы и умения, манера держаться и одеваться.

В новых условиях бывшие бюрократы пытаются занять в частном секторе экономики позицию, сравнимую или гомологичную с той, которую они занимали в прошлом состоянии социального пространства. Позиция руководителя или "организатора" производства, т.е. позиция "над" процессом собственно производства, стремится воспроизвестись на новой основе. Так, начиная с открытия частных предприятий или фирм, значительное число экс-бюрократов переходит к созданию различного рода ассоциаций, фондов, концернов, которые объединяют предпринимателей-производителей (или коммерсантов) и призваны с помощью определенных программ "поддерживать" предпринимателей. Руководители таких ассоциаций становятся как бы полномочными представителями предпринимателей перед

лицом государства и правительства, но с другой стороны они таким образом самолегитимируются и начинают действовать уже от имени государства и при помощи средств, предоставляемых государством для "защиты и развития малого и среднего бизнеса" и т.д. Такая область деятельности очень близка прежней области компетенции бывших бюрократов и именно здесь бюрократический капитал может быть инвестирован и "обменен" с наибольшей эффективностью.

Важный аспект деятельности бывших бюрократов состоит в том, что именно они прилагают все усилия для создания новых предпринимательских гильдий и корпусов, с их собственной регламентацией, этикой, моралью и т.п. Иначе говоря, речь идет о создании тех самых органов, где делегированные и доверенные лица "невидимых" предпринимателей, смогут вдохнуть жизнь в эту несуществующую группу через механизм представительства и формирования представлений.

Заключение

Подведем итог сказанному. Вопрос о социальной группе не является более вопросом о бытии коллективных субъектов, или вопросом о категориях социального восприятия различий, но становится вопросом о производстве, распределении и потреблении различий, чье существование отождествляется агентами с существованием группы.

Социальные группы не существуют, реальны лишь социальные отношения. Но как существуют отношения? Этот вопрос носит отчасти схоластический характер: важно установить, что существует, а не как. Например, как существуют политические практики? На это социология обычно не отвечает: достаточно фиксировать, что именно существует. Вопрос: как существуют социальные отношения, мы заменяем вопросом: что это за существование, бытие которого заключается в причиняющем воздействии на социальные явления?

В основе нашего подхода лежит представление о том, что все практики {все социальные явления} возникают на "основе" отношений и являются их "состояниями". Динамика взаимодействия социальных отношений и практик заключена в габитусе. Центральная роль габитуса Б нашей концепции обусловлена его природой - он "соединяет" практики и социальные отношения.

Modus vivendi социальных отношений может быть определен лишь через отличие -например, от вещей природы, которые наличествуют и действуют независимо от того, как их описывают люди. Социальные отношения не зависят (в конечном итоге) от сознания и воли людей, но, вместе с тем, их неотъемлемой и необходимой частью служат дифференцированно распределенные и конкретно локализованные практические схемы. Таким образом, социальные отношения хотя и нетранзитивны, но "концептуально зависимы" [16].

Реальность социальных отношений основана на их причиняющей силе, а не на том, что они наблюдаемы или наглядны. В этом плане социальные отношения напоминают физическое поле - "особую форму материи". - которое само по себе ненаблюдаемо и ненаглядно, но его действие ощутимо и может быть визуализировано, как, например, в опыте с металлическими опилками, выстраивающимися вдоль силовых линий магнитного поля. Следовательно, ключом к решению вопроса о *modus vivendi* социальных отношений служит их *modus operandi*: отношения определяющим образом воздействуют (направляют и оформляют, подавляют или стимулируют) на практики и представления агентов. В этом отличие социальных отношений от социальных групп: группы нереальны, хотя "наглядны" и "наблюдаемы", их способность быть воспринимаемыми есть хорошо обоснованная иллюзия, и поэтому они сродни миражам.

Итак, социальные группы не существуют. Но почему же они воспринимаются людьми как реальные социальные субъекты? Дело в том, что рационалистическая идея "прозрачности" и интеллигибельности мира неверна: человек "затронут социальной действительностью", а не "осведомлен о социальной действительности; она должно быть признана и присвоена, а не только познана. В социальную действительность нельзя "войти", из нее нельзя "выйти": она есть то, чему агент всегда принадлежит [17]. Практика агента есть своего рода интенциональность без интенции, дорефлективный акт бытия [18]. Исходным отношением агента к социальной действительности является "причастность", воплощенная в реальности самого агента [19], "онтологическое соучастие", докситическое отношение как "онтологическая ангажированность" [12, с. 273-274], поэтому принципиально важным в

опыте социальной действительности и в работе по ее структурированию является то, что он "...предполагает обращение к практикам ниже эксплицитного уровня представления и вербализованных выражений" [12, с. 65].

Доксическое или практическое отношение агента к социальной действительности располагается "до" или "по эту сторону" интенционального отношения, и именно его "поздний" М. Хайдеггер определяет как "немыслимое". Практические схемы, с помощью которых агенты воспринимают социальную действительность, есть результаты интер-иоризации социальных отношений. Отсюда практические схемы принуждают агентов принимать социальную действительность такой, какая она есть, воспринимать ее как нечто само собою разумеющееся, присваивать ее, а не рефлексировать и противопоставлять ей другие "возможные миры" (см. [20]).

Проблема рефлексии социальных групп является в первую очередь социальной, а не социологической проблемой, поскольку способность рефлексировать, объективировать, делать эксплицитным то, что было имплицитным, субъективным, неотрефлексированным. представляет собой социальную власть [12, с. 66 - 67]. власть, неравномерно распределенную между агентами и институциями. Перед агентом встают именно практические (не теоретические или методологические) проблемы, в с помощью рефлексии он может постичь принципы производства своих практик только потому, что он действует, но нельзя утверждать, будто агент действует, потому что знаком с теорией рационального выбора [21]. Поскольку социальные группы определяются их институционализацией в устойчивых, признанных *de facto* или гарантированных *de jure* статусах, постольку перечень социальных групп, которые признаются доксой существующими, определяется в каждый момент времени исходом борьбы, одновременно символической, политической и социальной. между агентами, занимающими различные позиции социального пространства. Причем разные агенты могут считать существующими разные социальные группы, так как докса социально неоднородна и присущие агентам категории социального восприятия также зависят от их положения в социальном пространстве. Это положение может быть проиллюстрировано хотя бы спорами о социальной структуре советского и российского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кассирер Э. Познание и действительность. Понятие о субстанции и понятие о функции / Пер. с нем. Б. Стоппнера и П. Юшкевича. Санкт-Петербург: Алетейя. 1996.
2. Маркс К. Экономические рукописи 1857 - 1859 годов: (Первоначальный вариант "Капитала"): Ч. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 214.
3. Parkin F. Marxism and class theory: a bourgeois critique. New York: Columbia University Press. 1979. P. 113.
4. Wright E.O. Classes. London: Verso, 1985.
5. Outhwaite W. New philosophies of social science. Realism. Hermeneutics and critical theory. London: Macmillan. 1987. P. 32.
6. Sartre J.P. L'Etre et le Neant. Essai d'ontologie phenomenologique. Paris: Gallimard. 1943.
7. Bourdieu P. Raisons pratiques. Stir la theorie de l'action. Paris: Seuil, 1994.
8. Berry J.M. The interest group society. Boston: Little. Brown. 1984.
9. Boltanski L. Les Cadres, la formation d'un groupe social. Paris: Minuit. 1982.
10. Bourdieu P. La Distinction. Critique sociale du jugement. Paris: Minuit. 1979.
11. Бурдье П. Начала. / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994.
12. Бурдье П. Социология политики: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos. 1993.
13. Tenbruck F.H. Representative Kultur // Sozialstruktur und Kultur / Hrsg. von H. Haferkamp. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1990. S. 29.
14. Touraine A. Critique de la modernite. Paris: Fayard, 1992. P. 282.
15. Bourdieu P. Esprits d'Etat. Genese et structure du champ bureaucratique // Actes de la recherche en sciences sociales. 1993. № 96/97. P. 52.
16. Аутвейт У. Реализм и социальная наука / Пер. с англ. А.Ф. Филиппова // СО-ЦИО-ЛОГОС / Сост., общ. ред. и предисл. В.В. Винокурова, А.Ф. Филиппова. М.: Прогресс, 1991. Вып. 1. С. 142.
17. Подорога В.А. Выражение в смысл. М.: Ad Marginem. 1995. С. 276.
18. Мерло-Пойти М. Око и дух / Пер. с фр., предисл. и коммент. А.В. Густыря. М.: Искусство, 1992. С. 36.

19. Марсель Г. Онтологическое таинство и конкретное приближение к нему // Марсель Г. Трагическая мудрость философии. Избранные работы / Пер. с фр., вступ. ст. и примеч. Г.М. Тавризян. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1995. С. 80.
20. Марсель Г. Очерк феноменологии обладания // Марсель Г. Быть и иметь / Пер. с фр. И.Н. Полонской; примеч. О.А. Сердюкова. Новочеркасск: САГУНА. 1994. С. 135 - 153.
21. Хайдеггер М. Что значит мыслить? // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Пер. с нем. / Под ред. А.Л. Доброхотова. М: Высш. шк., 1991. С. 143.